

УДК 323.2+27, 327, 316.4

МАЛИКИТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДИСКУРСА МОБИЛЬНОСТИ В ИСЛАМЕ*

Исаков Александр Сергеевич,

Уральский Институт Управления
Российской Академии Народного Хозяйства
и Государственной службы при Президенте РФ,
старший преподаватель,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация:

Статья посвящена описанию маликитского измерения дискурса мобильности в исламе. Автор делает попытку обобщить связанные с мобильностью дискурсивные комплексы и выявить пути их исторической детерминации. В статье раскрывается юридическая формула маликитской правовой школы и ее особое влияние на процесс легитимации политических изменений. Конкретные особенности мазхаба выводятся из рассмотрения двух современных примеров: второй жасминовой революции в Тунисе 2010–2011 годов и вооруженного конфликта в Ливии с 2011 года. Также затрагивается влияние «Арабской весны» на процессы мобилизации мусульманского населения.

Ключевые понятия:

Маликитский мазхаб, дискурс мобильности, политический ислам, Ливия, Тунис, Арабская весна.

С начала активной фазы событий так называемой «Арабской весны» прошло более пяти лет. Данные события вызвали масштабную мобилизацию социально-политического участия, реактивных изменений и множества реформ в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. За это время качественным образом изменилось как само пространство региона, так и научные подходы к его изучению [5]. Одно из возникших направлений академических изыска-

---

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально-политических исследованиях: теоретико-методологический анализ».

ний касается именно процессов мобильности, оказывающих активное влияние на политическую конъюнктуру стран Исламского Востока.

Основной вектор мобильности – это усложнение социальной структуры населения и тектонические изменения политического поведения. В целом, это касается актуализации требований осовременивания государств исламской восточной политики. Сталкиваясь с достижениями и высоким уровнем жизни большинства стран Запада, население мусульманских стран все чаще отказывает авторитарным режимам в легитимности, в надежде, что демократизация является залогом экстенсификации экономического развития и резкого роста уровня благосостояния.

Такое положение дел свидетельствует о возможности реализации академического интереса к дискурсу мобильности в пространстве исламского Востока. «Ставший очевидным такой признак современности, как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, позволяющую проанализировать и концептуально смоделировать динамику коммуникационных процессов. Если ранее обществоведы оперировали преимущественно понятиями статического мира («социальный слой», «политический институт», «габитус» и др.), то сегодня фокус исследовательского внимания отчетливо перемещается в сторону изучения мобильных объектов и динамичных форм деятельности» [11].

Однако, в отличие от западной политики, исламский мир является несекулярным обществом, где любые изменения детерминируются и трансформируются религиозным каноном. Специфика этого канона оказывает системообразующее влияние на процесс адаптации изменений и их качественной интерпретации. При этом стоит отметить, что кроме традиционалистского барьера религии, данная специфика может быть и катализатором изменений. Именно такая ситуация и просматривалась в событиях «Арабской весны», когда политический авангард в стремлении к реформированию режимов консолидировался вокруг религиозных сил.

Это соответствует и общей логике изучения исламских стран, при научных изысканиях в отношении которых акцент традиционно делался на изучении роли исламизма в процессах политического развития [16]. Хотя стоит отметить и тот факт, что если религия обличала протест, то в основе возникновения протестов зиждильсь чисто экономические причины [8]. Необходимость их решения была главным требованием протестующих и лежала в основе реформаторской повестки.

Негативные последствия революционной активности, такие как гражданские войны в Сирии, Ливии или Йемене, а также неспособность квазидемократических сил, пришедших на смену авторитарных режимов, к практическому воплощению институциональных проектов политического развития, привели к необходимости объективных ограничений резкого изменения качественных характеристик политической, социальной и экономических систем. На Востоке проявилась аутентично западная особенность, когда под влиянием осознания «возможных грядущих катастроф, связанных с безудержным неконтролируемым бегом, заданным рыночной экономикой и капиталистической конкуренцией, стали [осуществляются] попытки поисков каких-то объективных ограничений или пределов» [12].

Если в странах западной политики данные ограничения укладываются в логику создания моделей «устойчивого развития» и, иногда, сопровождаются правым поворотом во внутривнутриполитической повестке, то в странах исламской политики – проявляются в попытках реконцептуализации религии, либо реставрации старых режимов. В целом же, поиск новых социально-политических символов в исламе лежит в основе любых модернизационных проектов.

Основания для создания новых религиозных символов могут сильно различаться. Это могут быть попытки полномасштабной рецепции западной модели организации общества, либо синтез теорий западной политической науки и традиций локального общества, либо создание аутентичных проектов политической модернизации. При любом из указанных вариантов проводником практических изменений неизменно будет являться религия. При этом инварианты взаимодействия религиозной нормы и политических изменений будут также различными. Если общий мобилизационный потенциал, традиционно, характеризуется термином «исламизм», в значении некоторой идеологии, которая концентрирует в себе традиционные ценности и реваншистский потенциал, то непосредственным механизмом легитимации изменений является мазхаб.

Мазхаб, или правовая школа ислама, содержит в себе информацию о процедурах, с помощью которых рядовой верующий может определять, какие возникающие изменения допустимы, а какие являются неприемлемыми. При этом не будет иметь значения степень религиозности целевого индивида или общества, так как подобные традиции закрепляются в обществе на уровне общей этики поведения и оказывают влияние как на носителей религии, так и на всех остальных, при условии долгосрочного проживания в обществе.

На сегодняшний день в исламе остаются актуальными пять фундаментальных мазхабов, каждый имеет собственную правовую формулу и ряд социальных особенностей. Это четыре суннитских мазхаба: ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский, и один шиитский – джафаритский. Каждая правовая школа оказывает уникальное воздействие на возможность изменений в обществе, характеризует уровень социальной динамики, оказывает общее смыслообразующее влияние на дискурс мобильности в исламе.

Рассматривая мазхаб как предмет изучения политической науки, необходимо полностью абстрагироваться от его религиозных функций, делая акцент на социально-политическом влиянии, которое он оказывает на общество. В свою очередь, это позволяет рассматривать ареалы распространения правовых школ как независимые пространства, имеющие собственный уникальный потенциал мобильности. При этом проживающие в данных пространствах индивиды имеют общую специфику политического поведения и отношения к изменениям.

Примечательно, что события «Арабской весны» начались с маликитских стран. Впоследствии именно эти страны воспроизвели самый необычный опыт политического развития в регионе, включающий в себя как кейс самого демократического государства исламского Востока по оценке западных экспертов, которым является Тунис [14], так и пример полного фактического уничтожения благополучного государства, продемонстрированного Ливией. Кроме того, в маликитское пространство входят также арабские страны: Марокко, Мавритания, частично признанная Сахарская Арабская Демократическая Республика, а также иные мусульманские страны Северной Африки (за исключением Египта и Судана).

Как отмечают эксперты, правовая формула маликитского мазхаба основана на ограниченном применении логических заключений: «маликиты пользуются принципом, называемым истислах (араб. «улучшение»), близко стоящим к ханафитскому принципу истихсан. Но истихсан они понимают по-своему, считая, что если по какой-то проблеме нет ясности в Откровении, то необходимо применить предпочтительное решение проблемы, независимо от того, имеется ли возможность кияса или нет. Это и называется истислахом» [13]. С одной стороны, это создает высокий адаптационный люфт и позволяет обществу модернизироваться в зависимости от того, насколько сильной является потребность в обществе. С другой стороны, подобная процедура накладывает два важных ограничения на процессы мобильности. Во-первых, это исключает возможность видных исламоведов напрямую быть цензорами или проводниками общественных изменений. Во-вторых, отсутствует процедура легитимации изменений, исходя из воли общества, т. е. любые изменения, получившие одобрение в ходе голосования или иной подобной процедуры, не будут автоматически обретать позитивную презумпцию.

Несмотря на ограниченный функционал демократических практик, реализация демократии как политического режима в данной группе стран возможна. Залогом ее существования будет октроированный характер и возникновение в ходе каких-либо глобальных институциональных изменений. Например, важную роль при переходе к демократическому правлению сыграл краткосрочный период нахождения у власти после второй жасминовой революции 2010–2011 годов исламистов, которые смогли согласовать новый политический процесс с особенностями религии.

Тем не менее, само неприятие общественной воли в качестве цензора политических изменений не позволяет говорить о том, что функционирование демократии возможно в долгосрочной перспективе. Ее нивелирование будет осуществляться за счет ограниченного плюрализма с одной стороны, а с другой – неспособности такого политического режима выполнять те функции, которые выполняются в странах западной политики, а именно: стабилизация государства, предотвращение вызовов и угроз. Это усугубляется еще и тем, что демократические процедуры создают новые риски за счет снижения возможности армии влиять на политический процесс и возможности исламистов участвовать в политическом диалоге. Армия на Востоке имеет характер сословия и является традиционным инструментом стабилизации политического развития, а неконтролируемый исламизм, сопровождаемый социальными потрясениями, зачастую приводит к возникновению экстремизма и реваншизма.

Обратной стороной указанных особенностей является и неприятие абсолютистского правления. Поскольку воля большинства не рассматривается в качестве полноценного инструмента легитимации, даже поддерживаемое большинством единоличное управление не будет считаться полноценно легитимным. Компенсировать это способны традиционные институты коллективной ответственности, в связи с чем в маликитских странах особую актуальность приобретает институт «шура», т. е. советов.

Наличие подобных компенсаторных механизмов, вкуче с возможностью реализации демократических процедур, позволяет говорить о достаточно широкой

возможности рецепции иностранных практик и моделей организации общества. Стоит заметить, что критериями такой рецепции, имеющей целью улучшение уровня жизни, будет структурное сходство. Чем сильнее потенциальная страна соответствует европейскому пониманию национального государства, тем более эффективно будет заимствование и последующее социально-экономическое развитие. В противном случае возникают внутренние конфликты, логическим продолжением которых может стать гражданская война, как, например, это случилось в Ливии.

Именно на Тунис и Ливию события «Арабской весны» оказали наибольшее мобилизующее воздействие. В связи с этим особая специфика маликитского измерения дискурса мобильности может быть рассмотрена сквозь призму именно этих стран. Исторический путь данных государств был весьма отличным, но в ходе событий 2010–2011 годов ситуация сложилась очень похожая. В обоих случаях имели место свержение лидеров, долгое время находящихся у власти, и замена правящей элиты представителями исламистских партий.

Как отмечается рядом зарубежных и отечественных авторов, гражданские протесты и военные столкновения были направлены именно на противодействие устоявшимся авторитарным режимам и необходимость их демократизации [7]. Практическая реализация демократии и свободные выборы неизбежно приводили к усилению происламских политических сил с последующей исламизацией страны. Это произошло не столько за счет сильной популярности таких партий и их поддержки в обществе, сколько в виду того, что они являлись единственной альтернативой силам, аффилированным с прежними режимами.

И в Тунисе, и в Ливии была осуществлена мобилизация мусульманской уммы с целью изменить социально-экономические условия и улучшить сравнительное положение государств. Несмотря на то, что как вооруженные противостояния в Ливии, так и акты гражданского неповиновения в Тунисе фактически означали крушение государств как институтов, именно катастрофы являются лучшим катализатором мобильности и, как следствие, потребности в изменениях [15, с. 237–238]. Разница в дальнейших событиях может быть объяснена внутренними особенностями государств, сопряженными со спецификой дискурса мобильности маликитских стран.

Тунис является гомогенным государством, где 99% населения говорит на местном варианте арабского языка и исповедует суннитское направление ислама. Существует историческое осознание государства, имеющего значимую доколониальную историю, процессы этнического становления в котором выкристаллизовали тунисскую нацию, сохранившую и институционально оформившую свои особенные черты в годы колониальной зависимости.

В стране распространен французский язык, используемый как второй. «Французский и стандартный арабский языки соперничают в таких престижных областях, как образование, управление, торговля, промышленность, СМИ и культура, что выделяет их положение в лингвистической полифонии Магриба. При этом динамика их употребления не постоянна и не равнозначна. Арабский в качестве официального языка имеет преимущество в делопроизводстве, но все же в этих странах французский язык продолжает использоваться в администрации» [2]. Фактор французского языка рассматривается как облег-

чающий проникновение в страну современных европейской концепций и идей, что способствует и культурному взаимодействию. Благодаря языку местная интеллигенция имеет более высокий потенциал мобильности и взаимодействия с западными коллегами, высокой является и образовательная мобильность.

Совокупность данных характеристик позволяет говорить о сравнительно высокой близости Туниса к европейскому пониманию национального государства. Государства, имеющего свою религию, этническую и национальную идентичность, устоявшееся понимание государственных границ и чувство пространства. Именно поэтому мобилизация населения не произвела значимых институциональных сдвигов, не сместила акцент внутренней ориентации общества на панарабские проекты или исламский космополитизм.

Сам подъем исламизма объясняется историческими особенностями, характеризующимися ситуацией, когда религиозная повестка зачастую подавлялась со стороны государства. «Чтобы понять причины кризиса и последовавшего за ним подъема исламизма, необходимо провести некоторый ретроспективный анализ и отметить, что тунисское общество после завоевания страной независимости испытало радикальную секуляризацию, каковой не знала ни одна другая арабская страна» [3]. При этом, «Широкая секуляризация, не подкреплённая повышением уровня жизни основных социальных групп, вызвала сопротивление части населения, склонявшегося к поддержке исламистов [3].

Тем не менее, исламисты агрегировали ту же повестку, которая существовала до 2010 года. Во время президентства Зин эль-Абидина Бен Али, в отличие от периода правления Хабиба Бургибы, преследованию подвергались только радикальные исламисты, умеренная повестка ретранслировалась действующей властью [4]. Любые идеи всегда подкреплялись ориентацией на достижение более высокого уровня жизни. Это способствовало быстрому падению популярности исламистов и их фактическому мирному отстранению от власти после парламентских выборов 2014 года.

Общим вектором мобильности стало создание тунисской модели, которая является эталоном демократии по меркам Африки, уникальным опытом развития политической ситуации и фактором возрастания демократических ожиданий в соседних странах. Данный проект приближает страну к состоянию национального государства европейского типа, не изменяя ключевым образом политический дискурс страны, отдавая предпочтение стабилизации политического устройства и воспроизводству действующей модели государства.

Резкий рост демократических настроений и соответствующие изменения нормативно-правовой базы с 2011 года соседствует с экспоненциальным ростом угроз государству с незначительным улучшением ситуации в 2015–2016 годах. Это не позволяет говорить о том, что данная модель будет воспроизводиться в долгосрочной перспективе, но дает возможность выявить структуру, благодаря которой она была создана. Само существование нынешнего политического режима стало следствием краткосрочного периода нахождения у власти умеренных исламистов, создавших архитектуру для дальнейшего политического диалога. Благодаря этому современные политические институты отчасти воспринимаются скорее как октроированные, нежели как следствие воли большинства.

Совершенно иной представляется ситуация в Ливии. Долгосрочное правление Муаммара Каддафи характеризуется крайне ограниченным политическим

плюрализмом, соседствовавшим с высоким уровнем жизни, достигнутым за счет экспорта углеводородов. За годы его правления в стране появились устойчивый средний класс, широкие социальные группы с высоким уровнем дохода и накоплением, а также значимое количество человек, получивших европейское образование. Все эти факторы породили высокие требования к государству на предмет участия граждан в процессе принятия политических решений.

При этом страна представляла собой крайне сложное историческое смешение трех разных регионов: Триполитании, Киренаики и Феццана, объединенных в начале XX века под властью Италии [10]. Разные части этой колонии исторически до этого никогда не осмыслили себя частью единого государства. Пестрым является и этнический состав населения: арабы, берберы и туареги. Причем каждая из указанных групп имеет собственные локальные места проживания. Несмотря на похожесть языковой нормы, даже ливийские арабы не всегда осознавали себя в качестве единой нации. Акцент на строительство ливийской нации делал в последние годы своего правления Муаммар Каддафи, однако даже более ранние его проекты были ориентированы на панарабскую повестку, оставшуюся актуальной в Ливии и по сей день. В частности, именно благодаря высокой актуальности панарабизма в Ливии легко создала свою базу запрещенная в РФ террористическая группировка ДАИШ.

Соответственно, возникший после «Арабской весны» вооруженный конфликт стал, в большей степени, именно следствием подобных противоречий. «Гражданская война в Ливии разгоралась, неся на себе отпечаток земляческих и межплеменных конфликтов, долгие годы тлевших под спудом режима «прямого народовластия» [1]. Отсутствие осознания населения как единой нации также отдаляет государство от статуса национального государства. В условиях, когда структурные ограничения маликитского мазхаба затрудняют реализацию демократии как проекции воли большинства, создается почва для вакуума власти.

Представляется, что разрешение возникшей ситуации возможно по двум направлениям. Во-первых, в Тунисе важную переходную роль сыграли умеренные исламисты, очертившие институциональные рамки для внутреннего политического диалога. В Ливии их приход к власти стал невозможен в виду активизации экстремистских группировок, этнических кланов, племен и внутреннего раскола. При создании предпосылок для преодоления такого рода противоречий и установления единовластия создалась бы почва для планомерного перехода власти в рамках демократических институтов, с вероятным последующим падением интереса к религиозной проблематике среди населения, как это было в Тунисе и соседнем Египте.

Во-вторых, это внешнее воздействие, следствием которого стала интенсификация конфликта, результатом чего может стать и его деэскалация. На практике это может представлять собой военную операцию с последующим созданием новой модели государства. Особенности маликитских стран таковы, что подобная октроированная модель имеет больше шансов на реализацию, нежели попытки сохранить действующие институты, потерявшие легитимность, как артикулируемые прежним режимом, не создавшим единое представление о нации среди ливийцев.

Подводя итог, можно заключить, что маликитское измерение дискурса мобильности основано на местных традициях, оставляющих высокий потен-

циал для динамики изменений. В качестве институциональной основы данного потенциала не рассматриваются демократические процедуры. Ограничивается и возможность проведения изменений со стороны исламского духовенства, что делает невозможным появление потенциальных моделей теократического правления. Кроме того, страны маликитской группы не имеют четкой позиции в дихотомии «национализм-космополитизм». Политические изменения, становящиеся следствием мобилизации, усиливают конъюнктурные особенности, которые продиктованы историческим опытом государства. Это позволяет говорить о совершенно различных дискурсах и векторах политического развития, возникающих в результате политических преобразований, которые могут выстраиваться в логике создания государства европейского образца, как это происходит в Тунисе, либо уничтожения государства под влиянием мобилизационных процессов, как это происходит в Ливии. Остальные страны региона, в целом, сосредоточены на стабилизации воспроизведения качественных характеристик политических систем в устоявшемся виде.

1. Видясова М. Ф. Куда идет тунисская «революция»? [Текст] / М. Ф. Видясова // Научно-аналитический журнал обозреватель – Observer. 2011. № 10. С. 79–96.

2. Дагбаева О.И. Особенности языковой ситуации в странах Северной Африки [Текст] / О.И. Дагбаева // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. 2015. № 1. С. 55–59.

3. Долгов Б.В. Демократия и исламизм в арабских странах (Алжир, Тунис, Египет) [Текст] / Б.В. Долгов // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2010. № 5. С. 285–302.

4. Долгов Б.В. Исламистский вызов в странах Магриба [Текст] / Б.В. Долгов // Азия и Африка сегодня. 2010. № 6. С. 41–48.

5. Исаков А.С. «Арабская Весна» как источник концептуального плюрализма в политических исследованиях исламского Востока [Текст] / А.С. Исаков // Социум и Власть. 2016. № 4 (60). С. 78–83.

6. Исаков А.С. Политическая модернизация в странах исламского Востока: концептуальный генезис [Текст] / А.С. Исаков // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. № 1. С. 79–92.

7. Корьякина Е.Ю. Ближний Восток накануне событий «Арабской весны»: взгляд германских экспертов [Текст] / Е.Ю. Корьякина // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 4. С. 12–19.

8. Курбанов М.А. Арабская Весна: возвращение к истокам? [Текст] / М.А. Курбанов // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 300–309.

9. Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего [Текст] / В.В. Наумкин, В.А. Кузнецов, Н.В. Сухов, И.Д. Звягельская. Москва, 2016. 34 с.

10. Пономарева Т.И. Образование итальянской колонии Ливия [Текст] / Т.И. Пономарева // Вестник Северного (арктического) федерального универ-

ситета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 1. С. 35–41.

11. Русакова О.Ф. Дискурс мобильности в современных коммуникациях [Текст] / О.Ф. Русакова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 13. С. 245–252.

12. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дилеммы: «мобильность-стабильность» versus «развитие-застой» [Текст] / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4. С. 175–180.

13. Ханмагомедов Я.М. Сложение мусульманского (суннитского) права [Текст] / Я.М. Ханмагомедов // Исламоведение. 2013. № 2. С. 96–102.

14. Freedom in the World 2017. Tunisia [Электронный ресурс] // Freedom House. – Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/tunisia>.

15. Islam and Modernity [Text] // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 296 p.

16. Stein E. Studing Islamism after the Arab Spring [Text] / E. Stein // Mediterranean Politics. 2014. Vol. 19. No. 1. P. 97–120.

References

1. Vidyasova M.F. Kuda idet tunisskaya «revolyuciya»? [Tekst] / M.F. Vidyasova // Nauchno-analiticheskij zhurnal obozrevatel' – Observer. 2011. № 10. S. 79–96.

2. Dagbaeva O.I. Osobnosti yazykovoj situacii v stranax Severnoj Afriki [Tekst] / O.I. Dagbaeva // Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhy Narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: Yazyki i special'nost'. 2015. № 1. S. 55–59.

3. Dolgov B.V. Demokratiya i islamizm v arabskix stranax (Alzhir, Tunis, Egipet) [Tekst] / B.V. Dolgov // Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke. 2010. № 5. S. 285–302.

4. Dolgov B.V. Islamistskij vyzov v stranax Magriba [Tekst] / B.V. Dolgov // Aziya i Afrika segodnya. 2010. № 6. S. 41–48.

5. Isakov A.S. «Arabskaya Vesna» kak istochnik konceptual'nogo plyuralizma v politicheskix issledovaniyax islamskogo Vostoka [Tekst] / A.S. Isakov // Socium i Vlast'. 2016. № 4 (60). S. 78–83.

6. Isakov A.S. Politicheskaya modernizaciya v stranax islamskogo Vostoka: konceptual'nyj genezis [Tekst] / A.S. Isakov // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki. 2017. № 1. S. 79–92.

7. Kor'yakina E.Yu. Blizhnij Vostok nakanune sobytij «Arabskoj vesny»: vzglyad germanskix e'kspertov [Tekst] / E.Yu. Kor'yakina // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki. 2015. № 4. S. 12–19.

8. Kurbanov M.A. Arabskaya Vesna: vozvrashhenie k istokam? [Tekst] / M.A. Kurbanov // Vestnik NGUE'U. 2013. № 4. S. 300–309.

9. Naumkin V.V., Kuznecov V.A., Suxov N.V., Zvyagel'skaya I.D. Blizhnij Vostok v e'poxu ispytaniy: travmy proshlogo i vyzovy budushhego [Tekst] / V.V. Naumkin, V.A. Kuznecov, N.V. Suxov, I.D. Zvyagel'skaya. Moskva, 2016. 34 s.

10. Ponomareva T.I. Obrazovanie ital'yanskoj kolonii Liviya [Tekst] /

T.I. Ponomareva // Vestnik Severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2017. № 1. S. 35–41.

11. Rusakova O.F. Diskurs mobil'nosti v sovremennykh kommunikatsionnykh [Tekst] / O.F. Rusakova // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2014. № 13. S. 245–252.

12. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Dilemmy: «mobil'nost'-stabil'nost'» versus «razvitiye-zastoj» [Tekst] / O.F. Rusakova, V.M. Rusakov // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3–4. S. 175–180.

13. Xanmagomedov Ya.M. Slozhenie musul'manskogo (sunnitskogo) prava [Tekst] / Ya.M. Xanmagomedov // Islamovedenie. 2013. № 2. S. 96–102.

14. Freedom in the World 2017. Tunisia [Elektronnyj resurs] // Freedom House. – Rezhim dostupa: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/tunisia>.

15. Islam and Modernity [Text] // Edited by M.Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 296 p.

16. Stein E. Studing Islamism after the Arab Spring [Text] / E. Stein // Mediterranean Politics. 2014. Vol. 19. No. 1. P. 97–120.

UDC 323.2+27, 327, 316.4

MALIKI MEASUREMENT OF DISCOURSE OF MOBILITY IN ISLAM

Isacov Alexander Sergeevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Senior lecturer,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article describes the Maliki measuring of discourse of mobility in Islam. the author attempts to generalize mobility-related discursive systems and identify ways of historical determination. the article deals with the legal formula of Maliki law school and its especial influence on the process of legitimation of the political changes. Specific features of Madhab derived from a consideration of two modern cases: the second jasmine revolution in Tunisia in 2010–2011 and military conflict in Libya since 2011. Also describes the influence of «Arab Spring» on the processes of mobilization of the Muslim population.

Key concepts:

Maliki madhab, discourse of mobility, political Islam, Libya, Tunisia, Arab Spring.
